

Таким образом, наши хождения в тюрьму с передачами прекратились. Но немцы опять сами часто проводывали нас — все надеялись застать Олега или брата.

Двадцать пятого января они не пришли. Я забеспокоилась. То я страшилась, когда они приходили, теперь я ждала их. Приходят — значит, ищут. Не пришли — значит, нашли.

Я кинулась в полицию.

Дежурил молодой, неопытный полицейский. Он, видимо, был в курсе дела молодогвардейцев, но не знал подробностей и фамилий. И я, чувствуя, как у меня холодеют руки и ноги и все плывет перед глазами, решилась спросить:

— Кошевой и Коростылев... есть у вас?

Полицейский, позевывая, обошел все камеры, выкрикивая фамилии сына и брата. Никто не отозвался. Я ушла. Но тревога продолжала сушить мою душу. И я не обманулась.

Двадцать девятого января, к концу дня, к нашему дому подъехали сани, запряженные тройкой лошадей. В квартиру вошли жандармы и полицейские во главе с Захаровым, все пьяные. Захаров крикнул:

— А ну, давай одежду сына — все, что есть! Да живей у меня!

Я ответила:

— Дома не осталось одежды. Всю ее уже забрала полиция.

Захаров презрительно прервал меня:

— Ну, ну! Это такая же правда, как то, что ты не знала, где твой сын.

— И не знала, — ответила я, чувствуя, как пол уходит из-под ног, — и сейчас не знаю.

— Ничего, зато мы знаем.

Я смолчала. Я все еще надеялась, что он обманывает